

присутствует вопрос: смогут ли реализоваться высокие духовные запросы в российской действительности? Ответ на этот вопрос как бы развёртывается в романе Достоевского, сближающего через ряд художественных приёмов, а иногда и текстуальное сходство, образы своего романа с героями Лажечникова.

Литература

1. *Викторович В. А.* Лажечников Иван Иванович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 3. М., 1994.
2. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. М., Л., 1984.
3. *Лажечников И. И.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. Можайск, 1994.

УДК 821.161.1.09"18"

Д. Н. Поляруш

Югорский государственный университет
da.polyarush@gmail.com

К ВОПРОСУ ОБ «ОТЦАХ И ДЕТЯХ»: ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»

В статье анализируется вопрос преемственности нравственных идей в романе Ф. М. Достоевского «Бесы». Сравнительный анализ образов идеального мироустройства либералов 40-х и нигилистов 60-х в романе «Бесы» приводит к выводу о нравственной ответственности поколения «отцов-либералов» за безнравственную, разрушительную практику поколения «детей-нигилистов».

Ключевые слова: Ф. Достоевский, И. Тургенев, отцы и дети, проблема поколений, русская литература, анти-нигилистический роман.

D. N. Polyarush

Yugra State University
da.polyarush@gmail.com

ON THE STUDY OF "FATHERS AND SONS": IDEOLOGICAL CONTINUITY IN THE NOVEL "DEMONS" BY FYODOR DOSTOEVSKY

The article analyses the issue of moral ideas continuity in the novel "Demons" by Fyodor Dostoevsky. A comparative analysis of the ideal world order images of the liberals of the 1840s and the nihilists of the 1860s in the novel "Demons" leads to the conclusion that the generation of "liberal fathers" is morally responsible for the immoral, destructive actions of the generation of "nihilist sons".

Keywords: Fyodor Dostoevsky, Ivan Turgenev, fathers and sons, generation gap, Russian literature, anti-nihilist novel.

В широко представленной критической литературе о «Бесах» Достоевского вопрос о семейных отношениях рассматривался в основном в свете полемики Достоевского с Тургеневым. Тему «отцов и детей» автор «Бесов» переосмысляет и показывает причинно-следственную связь между либералами-западниками 40-х годов, основным представителем которых является Степан Трофимович, и нигилистами 60-х, кои представлены в романе во всём многообразии различных формаций и, в частности, в виде бесчеловечного в своей жестокости Петра Верховенского. То, что отказ от национальной самобытности и разной веры «отцов» есть первоочередная причина всех нравственных извращений «детей», было подробно рассмотрено и доказано во многих статьях. В частности, этот вопрос подробно рассматривает Н. Ф. Буданова в работе «Проблема поколений в «Бесах»». Но статьи эти, показывая преемственность идей, иллюстрируют огромную разницу между душеустройством представителей этих поколений, в частности Верховенских. Цель данной работы – ответить на вопрос о том, как родство героев реализуется не только на генетическом уровне, но и на идеологическом.

Верховенские являют собой то, о чём Достоевский говорил в январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г.: «Я давно уже поставил себе идеалом написать роман о русских теперешних детях, ну и конечно о теперешних их отцах, в теперешнем взаимном их соотношении» (2, т. 21, 7). Эта тема получит развитие в романах «Подросток» и «Братья Карамазовы» в полной мере, но именно в «Бесах» тема «случайного семейства» становится одной из основных впервые.

Сам Степан Трофимович воспитанием сына никогда не занимался, после смерти матери Петруши он поспешно женился во второй раз «на одной неразговорчивой берлинской немочке» (2, т. 10, 11), а пятилетнего сына, «плода первой, радостной и ещё не омрачённой любви» (там же), как выразился сам Степан Трофимович, воспитывали в какой-то глуши дальние тётки. Когда взрослый Петруша появляется в романе, хроникёр замечает, что Степан Трофимович видел его последний раз девять лет назад. О матери же Петруши известно только, что она была ветреной особой и последние три года перед смертью проживала с сыном отдельно от Степана Трофимовича в Париже. По ходу романа мы узнаём, что мальчиком он был нервным и боязливым, что вполне понятно, если учесть, в каких обстоятельствах он рос. Автор вводит интересную деталь: ребёнком он крестил подушку, чтобы не умереть. Страх, одиночество и чувство незащищённости из-за отсутствия полноценной семьи с ранних лет поселились в сердце Петруши. Детство, изуродованное ощущением собственной ненужности, стало причиной развития комплекса неполноценности, из-за которого во взрослой жизни Верховенский-младший будет пытаться утвердиться за счёт других людей. Вот как об этом в своей статье «Пётр Верховенский как эстет» пишет Р. Г. Назиров: «Комплекс неполноценности породил дикое стремление к сверхкомпенсации, жажду власти, и трусливый, глуповатый мальчик развил в себе замечательное стремление манипулировать людьми» (3, 90). И здесь нужно особо заметить, что для своего отца он исключения не делает, всячески третирует его, унижает и оскорбляет, находя в этом особое удовольствие. В то же время Степан Трофимович искренне радуется приезду сына и до последнего момента пытается оправдывать его злобные и вульгарные выпады в свой адрес. Почему же он испытывает или убеждает сам себя и окружающих в том, что испытывает отцовские чувства к человеку, которого видел считанные разы за всю жизнь и толком даже не знает? Ответ на этот вопрос очень простой: в Степане Трофимовиче со всеми его прозападными либеральными идеями ещё уживается освящённое веками патриархальное представление о том, какими должны быть отношения между отцом и сыном. При всех его абсурдных рассуждениях о том, что он «всех русских мужиков отдаст за одну Рашель» (2, т. 10, 7), он всё же сохраняет ещё на бессознательном уровне корни национальной культурной традиции, традиции православной, в которой непочтительное отношение к родителям невозможно по определению. Для Петра же все традиционные ценности, включая семью, являются рудиментами. Но в природе не бывает вакуума, она не терпит пустоты. И если удалить традиционные ценности, то на их место нужно поставить что-то новое. Здесь стоит разобраться с тем, что конкретно представляет собой система ценностей Верховенского-младшего.

Человека определяют его идеалы. Герои Достоевского, каждый на свой лад, размышляют о природе и судьбе красоты и добра как высших ценностей. Традиционно красота понимается как физическое или духовное совершенство, которое, по мнению Достоевского, «спасёт мир». Обратимся к нашим героям, чтобы узнать, что собой представляют их идеалы, их представления о добре и красоте. Для этого рассмотрим те места романа, в которых Верховенские делятся своими соображениями по поводу идеального мироустройства – «мировой гармонии», «золотого века». Степан Трофимович свои соображения по этому поводу излагает в своей поэме: «...Но сцена вдруг переменяется, и наступает какой-то “Праздник жизни”, на котором поют даже насекомые, является черепаха с какими-то латинскими са-

краментальными словами, и даже, если припомню, пропел о чем-то один минерал, то есть предмет уже вовсе неодушевленный. (...) И, наконец, уже в самой последней сцене вдруг появляется Вавилонская башня, и какие-то атлеты ее наконец достраивают с песней новой надежды, и когда уже достраивают до самого верха, то обладатель, положим хоть Олимпа, убегает в комическом виде, а догадавшееся человечество, завладев его местом, тот час же начинает новую жизнь с новым проникновением вещей» (2, т. 10, 10). Это, конечно, не что иное, как нелепая сказка, в которой необъяснимым образом сплетены библейски образы, мифологические фигуры, театральные эффекты и вера в человеческие силы в духе Ренессанса. Но из всего этого абсурда можно вычленить несколько основополагающих идей:

- 1) изменение мироустройства произойдет революционным путем (житель Олимпа убежит в комическом виде);
- 2) изменить мироустройство могут только люди сильные (атлеты);
- 3) в новом мире все равны (человечество заменяет обладателя Олимпа).

А теперь обратимся к представлениям Верховенского-младшего о мировой гармонии. О нем мы можем судить по объяснениям, которые дает Пётр Степанович в главе «Иван-царевич». С этой точки зрения вся глава примечательна, но мы приведем лишь некоторые наиболее показательные отрывки: «Мы сделаем такую смуту, что все пойдет с основ. (...) Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы и в рабстве равны. (...) Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей! (...) Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалываются глаза, Шекспир побивается камнями (...) Мы уморим желание: мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. (...) Никогда Шигалеву не выдумать первый шаг. Много Шигалевых! Но один, один только человек в России изобрел первый шаг и знает, как его сделать. Этот человек я» (2, т. 10, 322–324). Как видно, здесь нет ни намёка на что-то фантастическое, всё выверено с математической точностью одержимого фанатика, всё продумано до мелочей, нет никаких обобщений и абстракций. На первый взгляд, два вышеизложенных отрывка с собой никак не соотносятся: первый – какой-то безвкусный дешёвый фарс, второй – настоящая политическая программа. Но что лежит в основе этого политического плана? На каких идеях он, собственно, базируется?

- 1) Изменить существующий порядок сможет только революция (мы сделаем такую смуту, что всё поедет с основ).
- 2) Изменить мироустройство должны сильные люди (Много Шигалевых! Но я выдумал первый шаг).
- 3) В новом мире все равны (все рабы и в рабстве равны).

Итак, мы явственно увидели, что основополагающие идеи одни и те же, и только какая-то внутренняя личностная ориентация наполняет эти идеи различным содержанием. Очевидно, что одни и те же идеи, сопрягаясь и с различными эстетическими представлениями, дают различные идеалы. Иными словами, причина кроется в различных эстетических эталонах, в частности в различном понимании красоты.

В тексте неоднократно говорится о том, что внешнему и внутреннему облику, мыслям, чувствам, желаниям Степана Трофимовича Верховенского свойственны, с одной стороны, возвышенность, благородство, «что-то вообще прекрасное», а с другой – какая-то невнятность, неочерченность, половинчатость. То есть чувство прекрасного и ощущение красоты ему не чужды. Уступая нигилистической ереси семью, священство и родину, он никак не соглашается с тем, что горячо любимая им Сикстинская Мадонна не значит для младшего поколения ровным счётом ничего. Степан Трофимович соглашается с мыслями «о вреде религии», о «бесполезности и комичности слова «отечество»», о бесплодности русской культуры,

но никак не может уступить утилитаризму детей преклонение перед красотой и искусством как неким высоким состоянием человека.

У Петра Степановича же представление о красоте особое. Красоты в женщине, цветке или ребёнке он увидеть не способен. О том, что для него красота, он сам в исступлении рассказывает Ставрогину. «— Я люблю красоту. Я нигилист, но люблю красоту. Разве нигилисты красоту не любят? Они только идолов не любят, ну а я люблю идола! Вы мой идол! Вы никого не оскорбляете, и вас все ненавидят; вы смотрите всем ровней, и вас все боятся, это хорошо. К вам никто не подойдёт вас потрепать по плечу. Вы ужасный аристократ. Аристократ, когда идёт в демократию, обаятелен! Вам ничего не значит пожертвовать жизнью, и своей и чужою. Вы именно таков, какого надо Мне; мне именно такого надо, как вы ... Вы предводитель, вы солнце, а я ваш червяк...» (2, т. 10, 323–324). В статье «Пётр Верховенский как эстет» Р. Г. Назиров объясняет это тем, что Пётр Верховенский нашёл воплощение своего идеала в Ставрогине, ибо угадал в нём колоссальное презрение к жизни, своей и чужой: в глазах Верховенского это и есть высшая красота. Комплекс неполноценности в недолюбленном ребёнке со временем трансформируется в фанатичное стремление к силе и власти как компенсации за детские годы страха и неуверенности.

Из всего вышесказанного следует, что в Петре Верховенском Достоевский изобразил эстетизацию насилия, которая имеет в своей основе именно «старомодный романтический эстетизм» Степана Трофимовича. Сам Степан Трофимович, конечно же, не предполагает, что, убирая духовную составляющую из «прекрасного и высокого», провоцирует смешение с «безобразным и низким», но с детства ущербный, озлобленный и глуповатый Петруша подумал его абстрактные идеи до логического конца. Таким образом, авторская стратегия раскрытия темы «отцов и детей» в романе «Бесы» заключается в идеологической преемственности, а следовательно, ответственности «отцов-либералов» за деяния «детей-нигилистов».

Литература

1. Буданова Н. Ф. Проблема «отцов» и «детей» в романе «Бесы» // Достоевский. Материалы и исследования / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). 1974. Т. 1. С. 164–188.
2. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1974.
3. Назиров Р. Г. Петр Верховенский как эстет // Назиров Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: сб. статей. Уфа, 2005. С. 79–93.